

A detailed illustration for a book cover. In the foreground, a woman with long, flowing white hair and a dark, intricately detailed bodice looks off to the side with a somber expression. Behind her stands a knight in full plate armor, including a helmet with a red plume and a red cape. The knight's armor is dark and shows signs of wear. They are positioned in a desolate, war-torn city with crumbling stone buildings and fires burning in the background. The overall color palette is dominated by the oranges and yellows of the fire, the greys of the stone, and the dark tones of the characters' clothing.

Светлана Иванова

Шепот пепла и серебра

Светлана Иванова

Шепот пепла и серебра

«Автор»

2026

Иванова С.

Шепот пепла и серебра / С. Иванова — «Автор», 2026

В мире, где Инквизиция выжигает магию каленым железом, а древние механизмы медленно ржавеют под слоем пепла, встречаются двое. Лира — беглый магистр Синего Пламени, чья кожа помнит жар костров Ордена. Она несет в себе не только запретную мощь распада материи, но и ключ к Печати Огня, сдерживающей Бездну. Каэлан — инквизитор с серебряной плетью вместо сердца. Его долг — доставить еретичку на плаху, но его тайна страшнее любого колдовства: он уже мертв внутри, заменив плоть холодной сталью ради службы Церкви. Их путь лежит через мертвые пустоши, поющие болота и подземные храмы древних богов. Это история о невозможном выборе между концом света и концом любви. Когда для спасения мира нужно разбить последний алтарь, а единственный способ остановить древний хаос — впустить его в собственное сердце. «Шепот пепла и серебра» — это мрачное эпическое фэнтези о цене свободы, архитектуре боли и том, как много человеческого остается в монстре, когда он добровольно отдает свою кровь ради чужой жизни.

© Иванова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Цена мертвого огня	5
Ущелье тихих песен	7
Осколки вечности	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Светлана Иванова

Шепот пепла и серебра

Цена мертвого огня

Пепел в пустошах Айрана никогда не оседал до конца. Он висел в воздухе серой взвесью, скрипел на зубах и забивался под ногти, даже если ты просто спал на земле, завернувшись в плащ. Каэлан вытер пот со лба тыльной стороной ладони, оставляя на коже грязный развод. Его меч — тяжелый бастард из гномьей стали — лежал поперек горла гигантского костяного волка. Тварь еще содрогалась, ее ребра, прорвавшие истлевшую шкуру, скребли по камням с мерзким звуком. Из пасти воняло озоном и могильной гнилью. — Левый бок, — прохрипела Лира. Она стояла в пяти шагах от него, опутив руки. Пальцы ее правой перчатки были сожжены почти до кости, а воздух вокруг нее дрожал от остаточного жара. Магия Синего Пламени выжгла дыру размером с голову прямо в грудной клетке зверя, но этого оказалось мало. Волк был слишком быстр. Если бы Каэлан не принял удар костяных шпор на свой щит, некромантская сталь вошла бы ей точно между лопаток. Он наступил сапогом на череп волка, высвобождая лезвие. Черная кровь мертвеца зашипела на раскаленном металле. — В следующий раз целься ниже, — бросил рыцарь, не оборачиваясь. Он отстегнул флягу и сделал скупой глоток теплой воды. — Ты потратила три удара сердца на то, чтобы собрать заряд. Я говорил: бей сразу, пока оно прыгает. Лира ничего не ответила. Она медленно стянула испорченную перчатку. Кожа на руке покраснела и пошла волдырями — откат от использования запретной магии всегда обходился дорого. Она сжала кулак, заставляя себя не шипеть от боли. Они стояли посреди Серых Клыков — гряды острых скал, где ветер носил прах давно забытых империй. Солнце садилось, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. Это было их третье логово за неделю. И третий спор, закончившийся спасением жизни друг друга. — Я устала извиняться за то, что я медленнее тебя, Каэлан, — наконец сказала она тихо. Ее голос звучал глухо из-за забитого пеплом горла. — Я магистр Круга. Я могу обрушить свод этой пещеры нам на головы силой мысли. Но когда эта дрянь бросается на меня, я вижу только твои проклятые латы и слышу, как ты орешь мне под руку. Каэлан обернулся. В сумерках его лицо казалось высеченным из того же гранита, что и окружающие скалы. Седая прядь на левом виске казалась трещиной в мраморе. След старого ожога тянулся от скулы к подбородку — метка, оставленная ею пять лет назад, когда они еще пытались убить друг друга. — Ору, потому что хочу, чтобы ты жила достаточно долго для своей мести, — он подошел ближе. От него пахло потом, железом и полынью, которую он жевал, чтобы перебить вонь пустошей. — Верховному Инквизитору плевать на твой откат. Ему нужна твоя голова на пике у ворот столицы. А мне нужен ключ, который спрятан в твоей голове. Если ты сгоришь дотла раньше времени, сделка аннулируется. Сделка. Слово повисло между ними тяжелее, чем двуручный меч Каэлана. Он поклялся доставить королевского мага-отступника Лиру в Забытый Храм на краю света, чтобы та сняла Печать Огня с Врат Бездны. Взамен Орден Алого Щита обещал закрыть глаза на ее «небольшое» преступление — убийство предыдущего Верховного Инквизитора (которого, справедливости ради, она сожгла заживо вполне заслуженно). — Сделка, — эхом повторила Лира. Она посмотрела на свою обожженную руку, затем перевела взгляд на рыцаря. — Ты снова прикрыл меня щитом. Опять. Третий раз подряд. Серебряные пластины твоего наплечника расплавятся от моего пламени, идиот. Тебе напомнить, кто именно превратил половину твоего ордена в лужи кипящего металла при штурме Цитадели? Уголок губ Каэлана дернулся вверх в подобии улыбки. — Напомни. Мне нравится слушать, как ты хвастаешься своими военными преступлениями. Он шагнул вплотную, сокращая дистанцию до опасной. Лира инстинктивно отсту-

пила на полшага, упершись спиной в холодный камень скалы. Каэлан поднял руку. Медленно, давая ей время отшатнуться или выпустить струю синего огня ему в лицо. Его ладонь была жесткой, как дубленая кожа, и холодной — металл брони вытягивал тепло. Он осторожно взял ее раненую кисть двумя пальцами. — Ты могла бы исцелить это щелчком пальцев, — сказал он уже без тени насмешки. Голос стал низким, вибрирующим. — Но тогда энергия уйдет в лечение, а не в разрушение. Ты ненавидишь чувствовать себя слабой. — Убери руку, рыцарь, — предупредила Лира. Ее сердце билось где-то в горле. Запах полыни вдруг стал невыносимо густым. — Мои рефлексы сейчас работают быстрее мозга. Я случайно превращу твои пальцы в пепел. — Случайности случаются, — он перевернул ее ладонью вверх. Его большой палец прошелся по линии жизни, задевая пузыри ожогов. Лира втянула воздух сквозь сжатые зубы. Боль была острой, но прикосновение — неожиданно бережным. Никто не касался ее так... бережно с тех пор, как дар Синего Пламени впервые проснулся в ней десять лет назад, убив ее наставника одним случайным всплеском. Люди либо боялись ее, либо хотели использовать. Каэлан делал и то, и другое одновременно, но почему-то добавлял к этому нечто третье, чему она никак не могла подобрать название. — Ты используешь мазь из корня лунного папоротника? — спросил он, разглядывая рисунок ожога. — Она ускоряет регенерацию плоти, не гася внутренний огонь. — Да, — выдохнула она. — В сумке. Слева. — Хорошо. Он отпустил ее руку так же внезапно, как и схватил. Развернулся и пошел собирать разбросанные походные мешки. Движение было резким, почти рваным. Лира прижала пульсирующую болью ладонь к груди, чувствуя, как горят уши — то ли от остаточной магии, то ли от чего-то другого. Она видела, как ходят желваки на его спине под тяжелой кольчугой. Видела, как напряжена его шея. «Сделка», — напомнила она себе. — «Только сделка». Но когда он протянул ей открытую жестянку с густой зеленоватой мазью, их пальцы соприкоснулись. Холодное серебро его латной рукавицы задело ее здоровую кожу. В этот момент налетевший порыв ветра швырнул им в лица облако черного пепла. Мир исчез в белой мгле. И в этой внезапной слепоте, где не нужно было играть роли инквизитора и еретички, Каэлан притянул ее к себе, накрыв затылок тяжелой ладонью, и нашел ее губы своими. Поцелуй был соленым от пота, грубым от песка и отчаянным, как последний вздох перед прыжком в пропасть. Это не было нежностью. Это было признание поражения двух людей, которые слишком долго воевали плечом к плечу против всего мира и забыли научиться воевать друг с другом. Когда он отстранился, его дыхание сбилось. В глазах цвета грозового неба больше не было привычной стальной насмешки. Только растерянность. — Завтра мы спустимся в Ущелье Тихих Песен, — хрипло произнес он, все еще удерживая ее за плечи. — Там живут падальщики, плюющиеся кислотой. Постарайся бить чуть левее центра. И надень вторую перчатку. Мне не нужны лишние ожоги на лице, если завтра ты решишь сделать это снова. Лира смотрела на него, понимая, что мазь из сумки она сегодня вечером, скорее всего, не достанет. — Как прикажете, мой Инквизитор, — прошептала она, прежде чем отвернуться, пряча предательскую дрожь в коленях. Внутри живота растекалось знакомое Синие Пламя, но теперь оно грело совсем иначе.

Ущелье тихих песен

Рассвет в Серых Клыках был похож на вскрытие гнойника. Небо налилось болезненным багрянцем, а ветер, спускавшийся с вершин, принес запах озона и мокрого камня. Каэлан проснулся за час до рассвета — старая привычка, выработанная годами службы в Ордене. Он лежал на своем плаще, глядя в серый свод пещеры, где они укрылись на ночь. Лира спала рядом, свернувшись калачиком. Синий Пламя больше не рвалось из нее наружу во сне; теперь оно пульсировало под кожей мягким, ровным светом, словно сердцебиение невидимого существа. Серебряный медальон Инквизитора, который он так и не снял с шеи, холодил грудь сквозь тонкую льняную рубаху. Он разбудил ее, просто коснувшись плеча. Никакой магии, никакого громкого голоса. Она открыла глаза мгновенно, без сонной мути — рефлекс человека, привыкшего спать вполглаза. — Ущелье близко, — сказал Каэлан вместо приветствия. — Если выйдем сейчас, минуем полуденную жару. Лира молча кивнула. Они поели в тишине: твердый сыр, черствый хлеб и вода. Ожог на ее руке покрылся тонкой коркой благодаря мази, но кожа все еще натягивалась при каждом движении пальцев. Каэлан заметил, как она морщится, затягивая ремешки своего кожаного доспеха. Ущелье Тихих Песен оправдывало свое название лишь отчасти. Оно действительно пело, когда ледяной ветер с севера проходил через тысячи узких трещин в базальте, создавая звук, похожий на многоголосый детский хор. Но слушать эту песню долго было нельзя — она въедалась в разум, вытесняя мысли о еде, воде и собственной жизни, оставляя только звенящую пустоту. Стены ущелья сходились здесь так плотно, что небо превращалось в узкую синюю нить над головой. Тени были густыми, маслянистыми. — Я их чувствую, — тихо сказала Лира, останавливаясь. Она закрыла глаза, вслушиваясь не в ветер, а в саму скалу. — Три гнезда. Выше по склону, вон в тех черных дырах. Кислотные мешки уже полные. Они сытые, а значит — медлительные. Это хорошо. — Сытые падальщики защищают добычу, — возразил Каэлан, снимая со спины щит. — И они ненавидят серебро. Как только мы пройдем середину, они решат, что мы претендуем на их территорию. Приготовься бить сразу после того, как я швырну первую бомбу. Он достал из поясной сумки два гладких чугунных шара размером с кулак. На боках виднелись выгравированные руны замедления. — Ты же говорил, там кислота? — уточнила Лира, выпуская пару искр между пальцами для разминки. — Чугун разъест за секунды. Шрапнель попадет нам в спину. — Не успеет, — ухмыльнулся Каэлан. — Я бросаю левой. Моя левая рука быстрее твоей правой молнии. Это была его любимая издевка. Вечное соревнование скорости стали и магии. Они двинулись вперед. Звук шагов глох в толстом слое белого костяного праха, покрывавшего дно ущелья. Каэлан шел впереди, держа щит высоко. Солнце поднялось чуть выше, и один луч пробился сквозь щель в скалах, осветив темный провал метрах в тридцати от них. Из провала потек густой желтый дым. Первая капля кислоты упала на камень в десяти шагах слева от Леры. Камень зашипел, испуская зеленоватый пар. Капля оставляла за собой дымящийся след, похожий на слизь. — Началось, — процедила магистр. Ее зрачки расширились, почти полностью поглотив радужку. Синий свет начал сочиться из ее пор. — Бросай, рыцарь, пока у меня не сгорели волосы. Каэлан сорвался с места. Он не бежал — он скользил по песку, используя инерцию. Для человека в полном латном доспехе двигался он неправдоподобно легко. Первая чугунашка полетела в верхний левый провал. Взрыв раздался раньше, чем шар достиг цели — сработали руны детонации. Грохот оглушил даже сквозь звон «Тихих Песен». Из черной дыры вывалилось существо, напоминающее помесь гигантской летучей мыши и обожженного хряка. Его крылья состояли из полупрозрачных перепон, натянутых на кости, похожие на иглы. Тварь заверещала, ослепленная вспышкой. Вторая бомба ударила прямо о грудину второй твари. Взрыв разворотил кислотный мешок внутри зверя. Желто-зеленая жидкость хлынула вниз, растворяя камни. Третья тварь, самая крупная, осталась в тени, оценивая угрозу. — Левый край! — рявк-

нул Каэлан, принимая на щит плевков четвертого падальщика, которого они пропустили — тот сидел прямо над тропой. Щит выдержал, но серебряная окантовка пошла пузырями. Каэлан почувствовал жар даже сквозь стеганый поддоспешник. Лира выбросила руку вперед. Сгусток синего огня величиной с арбуз сорвался с ее пальцев. Он должен был испарить левую тварь, но та резко дернулась вбок, складывая крылья. Огонь ударил в скалу, расплавив базальт. Магистр зашипела — отдача от промаха прострелила болью раненую руку. — Да стой ты смирно! — выкрикнула она, чувствуя, как ярость закипает вместе с магией. Крупная тварь наконец приняла решение. Она оттолкнулась от стены, расправляя пятиметровые крылья, и рухнула вниз прямо на Лиру. Скорость падения была такой, что воздух вылетел. Каэлан оказался быстрее. Он не стал выставлять меч. Вместо этого он упал на одно колено, уперев нижний край щита в землю, а верхний наклонив навстречу падающей смерти под углом в сорок пять градусов. Идеальный угол отражения. Падальщик врезался в сталь. Раздался хруст ломаемых костей и звон металла. Отдача отбросила рыцаря назад на два метра, впечатав спиной в противоположную стену ущелья. Воздух выбило из легких. По внутренней стороне шлема потекла кровь из расщеченного лба. Но тварь не упала на мага. Отскочив от наклонного щита, она кувыркнулась в воздухе и рухнула прямо в поток кислоты, вытекающей из разорванного собрата. Визг боли смешался с шипением растворяемой плоти. Лира смотрела на это широко раскрытыми глазами. Затем перевела взгляд на Каэлана. Тот медленно сползал по стене, ноги его не слушались. Одна лямка наплечника лопнула, нагрудник был вмят так глубоко, что края металла едва не касались кольчуги под ним. — Ты... идиот, — выдохнула она, подбегая к нему. Страх сдавил горло ледяными клещами. — Я бы увернулась. Я могла поставить барьер. — Барьер сожрал бы твой резерв на сегодня, — прохрипел он, пытаясь отстегнуть защелки шлема дрожащими пальцами. — А мне нужно, чтобы ты зажгла солнце вечером, когда мы дойдем до Храма. Вставай. До выхода сто метров. Она помогла ему подняться, подставив плечо. От него пахло паленым волосом и железом. — Мы застрянем, — сказала Лира, глядя на его ногу. Поножь на правом бедре висел криво. — Ты не сможешь идти быстро. — Смогу, — он сделал шаг. Скрежетнул зубами, но вес перенес. — Просто дай мне точку опоры. Они пошли. Медленно. Ритм их шагов никак не совпадал: тяжелая, прихрамывающая поступь рыцаря и нервные, короткие шаги мага. Когда последние черные пасти ущелья остались позади, а вокруг снова раскинулось открытое пространство каменистой равнины, Каэлан остановился. Он тяжело опирался на свой бастард, воткнув его острием в землю. — Снимай броню, — приказала Лира. Голос ее снова стал властным, как в те времена, когда она командовала целым коеном. — Еще десять минут хода, найдем расщелину... — Снимай. Сейчас. Иначе сустав распухнет, и я потащу тебя на себе, а мои запасы силы ушли на этих птиц. Каэлан посмотрел на нее сверху вниз. Седая прядь прилипла ко лбу, покрытому испариной. В этот момент он выглядел не как несокрушимый воин Церкви, а как просто очень уставший, избитый мужчина. Он опустил на большой валун и позволил ей работать. Лира действовала быстро. Расстегнула ремни наручей, сняла поножи. Когда очередь дошла до набедренника, ткань поддоспешника пропиталась кровью. Она осторожно разрезала штанину своим кинжалом. Кровь уже остановилась, но огромный черно-лиловый кровоподтек охватывал бедро от колена до таза. — Кость цела, — констатировала она, аккуратно прощупывая место ушиба. Ее пальцы были прохладными. — Только мясо в кашу. Жить будешь. — Обнадеживает, — фыркнул Каэлан, наблюдая, как она закатывает рукава своей туники. Ее руки были покрыты мелкими шрамами от старых ожогов. Спускаясь к запястьям, кожа становилась гладкой. Она положила ладони по обе стороны от гематомы. Каэлан напрягся, ожидая жара. Но исцеления не последовало. Вместо этого синее пламя вспыхнуло *вокруг* ее рук, не касаясь его кожи. Теплый, сухой свет окутал поврежденную мышцу. Боль начала отступать, сменяясь странным чувством тяжести и покоя. Это была высшая форма контроля — использование магии не как оружия, а как инструмента диагностики и расслабления. — Почему ты не лечишь прямую? — спросил он, закрывая глаза. — Тебе ведь больно использовать огонь так

близко к живой плоти без прожигания. — Потому что если я начну лечить твою плоть моим огнем, — тихо ответила она, не открывая глаз, концентрируясь на токе крови, — я могу случайно влюбиться в процесс. А мой огонь имеет дурную привычку оставлять на вещах неизгладимые следы. Например, родимые пятна в форме сердца. Представляешь, как это будет смотреться на суровом лице Инквизитора? Каэлан открыл один глаз. Уголок его рта дрогнул. — Церковь считает тщеславие грехом. Мне пришлось бы арестовать самого себя. — Я бы пришла на суд свидетельницей, — она убрала руки. Синяк заметно побледнел, опухоль спала. — В платье из асбеста. Все честно. Она закончила перевязывать его чистой полосой ткани, отрезанной от собственного запасного плаща. Узел получился аккуратным и тугим. Закончив, она не отдернула руки сразу. Ее ладони остались лежать на его коленях. — Спасибо, — сказал он внезапно севшим голосом. — За лечение или за то, что не дал превратить мое лицо в лужицу вчера ночью? — спросила она, поднимая на него взгляд. Вместо ответа Каэлан взял ее правую, обгоревшую накануне ладонь, и поднес к губам. Легко, едва касаясь пересохшими губами мозолей, он поцеловал каждый воспаленный палец. — За то, что прикрываешь мою спину, — произнес он. — Даже когда тебе кажется, что я двигаюсь слишком медленно. Где-то далеко на юге, за горизонтом, куда им предстояло идти, возвышались шпили Забытого Храма. Печать Огня ждала. Но прямо сейчас, посреди пустой равнины, среди запаха озона и мертвых камней, сделка казалась самой незначительной частью их общего пути.

Осколки вечности

Забытый Храм не имел дверей. Вход в него выглядел как рваная рана в теле горы — черный провал, оплавленный по краям неизвестным огнем тысячелетия назад. Воздух здесь был густым и тяжелым, пах озоном, старым вином и сухим медом. Лира остановилась на границе тени и закатного солнца, чувствуя, как кожа покрывается мурашками. — Тишина давит на перепонки, — прошептала она. В ущелье пел ветер, в пустошах стонали кости, но здесь звук просто умирал. — Я не слышу эха своего дыхания. — Это потому что его нет, — Каэлан встал рядом. Он снял шлем, и влажный воздух храма коснулся его покрытого испариной лица. Седая прядь казалась серебряной нитью в сгущающихся сумерках. — Древние строили это место из камня, который пьет звуки. Чтобы их молитвы оставались только между ними и бездной. Он шагнул первым. Его шаги не породили ни единого отзвука. Только едва уловимый скрежет кольчуги о камень. Лира последовала за ним, держа левую руку чуть на отлете — пальцы все еще подрагивали после утренней стысти с падальщиками, а Синий Огонь внутри ворочался сытым, ленивым зверем. Они шли через анфиладу гигантских залов. Своды поддерживали колонны, похожие на застывшие стволы окаменевших деревьев. На стенах мерцали мозаики из смальты: сцены сотворения мира, где люди стояли плечом к плечу с существами из чистого света. Но чем глубже они заходили, тем мрачнее становились картины. Последние панно изображали людей, выжигающих собственные глаза, чтобы не видеть того, что рвалось снизу. — Печать должна быть в Зале Девяти Углов, — голос Каэлана прозвучал непривычно глухо. — Если верить картам Инквизиции. — Твоя Церковь боится этого места больше, чем я, — заметила Лира. Она провела пальцами по стене. Камень отозвался легким покалыванием. — Вы думаете, что сдерживаете демонов. Глупцы. Вы стоите на крышке котла и удивляетесь, почему вам так жарко. Зал Девяти Углов оказался круглым. Это звучало абсурдно, пока они не вышли в центр. Архитектура ломала восприятие: стены сходились под невозможными углами, создавая иллюзию бесконечного пространства, уходящего одновременно во все стороны. Посреди зала стоял монолит — алтарь из цельного куска обсидиана, черного настолько, что он казался провалом в саму ночь. Каэлан подошел к нему первым. Положил ладонь в тяжелой перчатке на ледяную поверхность. — Здесь, — сказал он. — Под нами. Лира обошла алтарь. Ее взгляд метался от теней в углах к лицу рыцаря. Напряжение последних дней, запах смерти, постоянный страх друг за друга и эти украденные поцелуи в серой мгле — все это тугим узлом свернулось внизу живота. Она подошла вплотную. Так близко, что край ее кожаного доспеха коснулся тяжелых пластин его нагрудника. — Мы нашли его, Каэлан, — сказала она очень тихо. — Конец пути. Дальше ты отведешь меня к своим палачам, а я сниму печать ценой своей крови или души. А потом? — А потом мы выполним приказ, — он повернул голову. Их губы оказались в дюйме друг от друга. От него пахло опасностью и той самой полынью, которую он жевал каждое утро. — Приказ мертв, рыцарь, — выдохнула Лира. — Ордена Алого Щита больше нет, Соколова сожгли на костре месяц назад вместе с половиной капитулов. Мы вне закона. Ты везешь еретичку в клетку туда, где нас обоих ждет лишь пепел. Ради чего? Ради долга перед призраками? Ее правая рука, обожженная и перевязанная, легла ему на грудь, прямо поверх сердца. Сквозь сталь и поддоспешник она чувствовала ровный, сильный ритм. — Ради тишины, — хрипло ответил Каэлан. — Когда Печать падет, мир сторит. Мне плевать на Орден. Мне плевать на закон. Но мне не плевать на то, что вон там, — он кивнул головой куда-то в сторону выхода, подразумевая весь остальной мир, — есть леса, которые не кричат от боли, когда на них падает тень. Есть реки, в которых вода мокрая, а не кислотная. Я хочу увидеть весну без пепельных бурь. — Как поэтично для мясника, — усмехнулась она, но улыбка вышла кривой. Слезы жгли глаза, но это были не слезы жалости к себе. — Хорошо. Допустим. Но что будет со мной сегодня ночью? После того как мы спустимся в крипту и я выжгу свои внутренности

ради вашего спасения? Каэлан молчал долго. Достаточно долго, чтобы она успела пожалеть о вопросе. Затем он медленно, словно преодолевая сопротивление невидимой среды, протянул руку и взял ее забинтованную кисть. Серебряные заклепки на его латной перчатке царапнули грубую ткань бинта. — Сегодня ночью, — произнес он, глядя ей прямо в зрачки, где плясали синие искры, — ты не будешь магистром Круга. И я не буду Инквизитором. Он потянул бинт зубами. Узел поддался не сразу. Белая ткань упала на каменный пол с беззвучным вздохом. Каэлан отбросил свою тяжелую рукавицу. Металл ударился о плиты с такой силой, что Лире показалось, будто вздрогнул сам фундамент Храма. Его ладонь была жесткой, покрытая мозолями от меча и шрамами от ожогов — старых отметин ее магии. Он перевернул ее руку ладонью вверх. — Позволь мне, — прошептал он. Прежде чем она успела спросить «что», он наклонился и прижался губами к самому центру ожога. Это было безумие. Любой другой человек остался бы без языка. Но Каэлан целовал ее пламя. Его губы были прохладными, язык — острым. Он слизывал боль, словно соль с раны, втягивая в себя остаточный жар Синего Огня. Лира вскрикнула, вцепившись свободной рукой в его волосы. Корни волос были жесткими от дорожной пыли. Боль вспыхнула ослепительно-белым светом и тут же сменилась волной такого острого, животного удовольствия, что ноги подкосились. — Тише, магистр, — пробормотал он ей в кожу, не отрываясь. — Ты сейчас спалишь нам обоим легкие. Он поднял голову. Его губы блестели в полумраке, а глаза стали почти черными от расширившихся зрачков. — Страсть делает тебя предсказуемой, — прохрипела Лира, пытаясь вернуть себе контроль над голосом. — Ты всегда целуешь тех, кого собираешься убить на рассвете? — Я целую тех, чье пламя греет меня лучше любого костра, — он отпустил ее руку и положил обе ладони ей на талию, притягивая к себе. Металл его доспехов должен был быть холодным и неуместным, но он обжигал сквозь одежду. Лира почувствовала твердую выпуклость его желания, прижатую к ее животу, и волна ответного жара прокатилась по позвоночнику. Вся ее магия, вся мощь магистра, способная плавить горы, схлопнулась до одной точки — потребности чувствовать его кожу. — Сними это, — потребовала она, дергая пряжку его ремня. — Сейчас же. Или я сожгу тебя прямо в железе. — Попробуй, — ухмыльнулся он, но в этой ухмылке не было привычной издевки. Было чистое, первобытное желание. Он подхватил ее под бедра. Движение было таким стремительным, что перехватило дыхание. Лира обхватила его ногами за пояс, сцепив лодыри в замок. Ей не нужно было тянуться к его губам — он сам нашел ее рот. Поцелуй лишил рассудка. Это был вкус вина, железа, соли и обещания конца света. Зубы клацнули, языки сплелись в отчаянном танце. Одной рукой Каэлан прижимал ее к себе так, что трещали ребра, другой нащупывал гладкий холодный бок обсидианового алтаря позади нее. С громким лязгом он развернулся, не разрывая поцелуя, и буквально швырнул ее спиной на черный камень. Воздух выбило из легких. Холод обсидиана мгновенно прожег тонкую тунику на лопатках, контрастируя с раскаленной кожей бедер, которыми она сжимала его тело. — Осторожнее, рыцарь, — выдохнула она ему в подбородок, впинаясь ногтями в наплечники. — Этот алтарь питается болью. — Значит, сегодня он насытится, — прорычал Каэлан. Он рванул завязки ее дорожного плаща. Тяжелая ткань соскользнула на пол. Следом полетели ремни ее кожаного корсета. Звук лопнувшей кожи прозвучал в абсолютной тишине Зала Девяти Углов как выстрел. Лира выгнулась дугой, помогая ему избавиться от одежды. Прохладный воздух подземелья коснулся обнаженной груди, заставляя соски напрячься. Каэлан отстранился ровно на секунду, чтобы сорвать с себя кольчужный капюшон и стянуть через голову стеганный поддоспешник. Перед ней предстала карта войны: сплошное полотно из бугрящихся мышц, пересеченное белыми нитями шрамов. Старый рубец от двуручного топора пересекал пресс, чуть ниже солнечного сплетения виднелся след от ее собственного удара Синим Пламенем — пятно навсегда измененной пигментации, похожее на синюю звезду. — Моя любимая деталь интерьера, — выдохнула Лира, проводя пальцем по синему пятну. — Бракованная работа, — ответил он, возвращаясь к ней. — Не прожгла до дыр. — У меня еще целая ночь впереди, — прошептала она и

притянула его голову вниз, к своему горлу. Дальнейшее превратилось в череду вспышек и ощущений. Тяжесть его тела, вдавливающая ее в алтарь. Скрежет металла по камню каждый раз, когда он пытался найти опору. Соленый вкус его кожи. Запах разогретого мужского пота, перебивающий вековую пыль храма. Их движения были резкими, лишенными нежности первых прикосновений. Это была схватка двух равных стихий. Он входил в нее глубоко и сильно, задавая бешеный ритм, от которого черный монолит отзывался низким, вибрирующим гулом. Лира встречала каждый толчок движением бедер, ее ногти чертили кровавые полосы на его спине, оставляя алые дорожки на бледной коже. Мир сузился до этого круга света от упавшего факела, до скрипа стали, до ее собственных стонов, которые наконец-то нашли эхо в этом проклятом месте. Магия внутри нее проснулась от сексуального транса. Синий Огонь начал сочиться из ее пор, не сжигая, но лаская. Пламя струилось по их переплетенным телам, щекоча нервы и обостряя чувствительность до предела. Каждое касание отдавалось электрическим разрядом. — Мой огонь... он слишком горячий, — простонала она, чувствуя, как кончики пальцев начинают светиться. — Жги, — приказал он, ускоряя темп, вбиваясь в нее с первобытной яростью. — Жги меня всего. Я твой клинок, помнишь? Раскаляй докрасна. Это стало последней каплей. Волна оргазма накрыла ее с головой, вымывая остатки мыслей о долге, печати и грядущем утре. Она закричала, выплескивая накопившуюся за недели пути усталость и страсть прямо в него. Синий столб пламени вырвался из ее рта и рук, ударив в сводчатый потолок. Камень зашипел, исторгая облачка пара, но не загорелся. Огонь принял форму купола над ними, освещая сцену их падения мягким, неземным светом. Каэлан догнал ее секундой позже. Его крик был тихим, животным рыком, который она почувствовала всем телом, когда он упал на нее, тяжело дыша, придавливая своим весом к остывающему камню. Долгое время единственным звуком в зале было их судорожное, постепенно успокаивающееся дыхание. Тяжело опираясь на руки, Каэлан приподнялся. Пот стекал по его вискам, смешиваясь с сажей. Он смотрел на нее сверху вниз — растрепанную, полуголую, лежащую на жертвенном камне древних богов. В ее глазах все еще плясали отсветы синей магии. — Если завтра один из нас умрет, — хрипло произнес он, заправляя влажную прядь волос ей за ухо, — пусть это случится после сегодняшней ночи. Лира дотянулась до его губ коротким, почти невесомым поцелуем. — Договорились, — прошептала она. — А теперь слезь с меня. Обсидиан высасывает тепло, а я планирую выжить хотя бы до утра, чтобы повторить это на полу. Он тихо засмеялся — впервые за много лет искренне, без тени горечи. Помог ей встать. В свете защитного кокона из синего пламени они собрали разбросанную одежду, не говоря ни слова. Неловкости не было. Была звенящая, опустошающая ясность. Когда они оделись, Каэлан снова подошел к алтарю. Провел рукой по тому месту, где только что билось ее сердце о черный камень. — Печать находится под этим монолитом, — сказал он уже совсем другим, деловым тоном. — Нужно сдвинуть его. Лира посмотрела на алтарь, затем на свои руки. Синий Огонь послушно скользнул к ладоням, концентрируясь в плотные сферы. — Предоставь это специалисту, — сказала она, хищно улыбаясь. — Я умею работать с камнем. Очень хорошо умею. Она сжала кулак. Черный обсидиан издал звук, похожий на треск льда на реке весной. Спустя секунду алтарь рассыпался на тысячи мелких осколков, открывая взгляду пульсирующий красный кристалл размером с человеческое сердце, намертво вросший в основание пола. Печать Огня. Источник их бед и начало конца. Каэлан обнажил меч. Лезвие тускло блеснуло в синеватом свете. — Приступай, магистр, — сказал он, занимая позицию у входа в зал, спиной к ней. — Нам нужно успеть закончить дела до рассвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.